

**Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы
Международная научная конференция**

Хоревские чтения

20-21 октября 2015 г.

**Фактор преемственности
в развитии форм художественного мышления.
Опыт современных литератур
Центральной и Юго-Восточной Европы**

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

И.Е. Адельгейм (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Диалог пространств. Топос Возвращенных территорий в польской прозе 1990–2000-х гг. и миф Восточных Кресов

Применительно к художественному обживанию в 1990–2000-е гг. пространства Возвращенных территорий, называемых иногда Западными Кресами, можно говорить о преемственности – пространственной, исторической, психологической, художественной – по отношению к прозе о Восточных Кресах, десятилетиями нарабатывавшей художественные средства для выражения сложной связи человека с его пространством, реконструкции памяти места, укоренения в пространстве утраченного.

В докладе рассматривается формирование топоса Западных Кресов в 1990-е и 2000-е гг. и трансформация основных элементов литературного мифа Восточных Кресов (удвоение чувства утраты и ностальгии, обращение мифа о толерантности поликультурного пространства в декларацию идеи эмпатии, идея неуничтожимости и наследования памяти, соотношение мифа с Историей, функционирование топоса детства и пр.).

Гражина Борковская (*Варшава, Институт литературных исследований ПАН*)

Пепел 1984. О рассказе «Станкевич» Евстахия Рыльского

Хочу вернуться к рассказу Евстахия Рыльского 1984 г. Я анализирую парадоксальный анахронизм и (пост)современность этого текста. Показываю, как глубоко проза Рыльского укоренена в милитарном и политическом идиоме, почерпнутом из

творчества Стефана Жеромского (польский писатель рубежа XIX–XX вв.). Меня интересует, что Рыльский берет из Жеромского (благородство борьбы, неоднозначное отношение к России), а чего решительно избегает (женственность, эротизм, сексуальность). Спорность и необычность результатов подобной расстановки акцентов подтверждают тезис Славоя Жижека и многих других теоретиков исторического насилия, например, фашизма, о том, что к активным действиям побуждают не патриотизм, ностальгия, потребность в самоидентификации, а удовольствие, черпаемое в поведении эротическом (любовь, секс, перверсия), которое у Рыльского отсутствует, а также политическом (война, убийство, «очищение» расы, защита культуры). Последнее – описанное с ощущением некоторого превосходства и вневременной красоты – определяет необычность, странность этого рассказа.

Л.Н.Будагова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Как решали проблему преемственности течения, от нее отказывавшиеся.

Об итогах реализации одного научного проекта

Научная актуальность проблематики первых «Хоревских чтений» очевидна. Неслучайно она перекликается с направлением «Механизмы преемственности в развитии литературы», выдвинутом в 2012 г. Президиумом РАН в рамках программы фундаментальных исследований. В связи с этим литературоведами Института был реализован проект «Антитрадиционализм и преемственность в программах и практике славянского литературного авангарда», где на материале авангардных течений, преемственность отрицавших, но постоянно уступавших традициям, показано, что связь с традициями – не прихоть, а закон творчества. Проблематика данной конференции, не повторяя реализованный проект, использует сходные с ним подходы к новому и чрезвычайно широкому материалу современных литератур стран ЦЮВЕ. Они докажут, что преемственность (опора на старое) помогает не только созданию новых художественных ценностей, но и сохранению национальной идентичности разных литератур в эпоху, провоцирующую ее размывание.

Ю.П. Гусев (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Постмодернизм без берегов?

Название доклада отсылает к дискуссии, развернувшейся полвека назад вокруг книги Р. Гароди «Реализм без берегов». Конечно, копия там ломались в основном из-за идеологических разногласий. Но в позиции Гароди мне видится стремление избавиться от

фетишизации «измов», которые отвлекают внимание от художественности, т.е. от сути литературы и искусства.

В последнем крупном «изме» XX в. – постмодернизме – идеологии уже не так много. Возможно, поэтому становится ясным, что ценность произведения зависит не от того, к какому направлению оно относится, а от таланта автора, от его способности отразить жизненно важное для народа, для эпохи.

Ведь куда интересней и эффективней видеть, скажем, в Маяковском не футуриста, а создателя оригинальных и проникновенных образов, а в П. Эстерхази – не виднейшего венгерского постмодерниста, а виртуоза тонкого переплетения общественных и частных смыслов.

Г.Я. Ильина (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Возвращение к крупным прозаическим формам: традиция и обновление (на примере хорватской литературы)

Возвращение в современной хорватской литературе к крупным прозаическим формам – одна из тенденций, но важная. Опираясь на национальные и общеевропейские традиции, хорватские авторы предлагают новые модели симбиоза реалистического и постмодернистского письма. При сохранении общественно-этической доминанты, внимании к историческим, социальным, национальным, религиозным и психологическим моментам в биографиях героев, в структуре подобного рода произведений присутствует подчеркнутая мозаичность изложения, новеллистическая цикличность, писательское обозначение жанрово-стилевого своеобразия отдельных частей и автореферирование.

З.И. Карцева (*Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова*)

Поэтика синтеза (роман-фуга Эмили Дворяновой)

Литература и Музыка – эти две космические стихии издавна привлекают внимание истинного художника. И примером СИНТЕЗА этих видов искусства в наше время может служить творчество современной болгарской писательницы Эмили Дворяновой, сделавшей музыку структуроопределяющим элементом ряда своих романов. С болью и тревогой пишет она в них о не востребованности женщины в единстве ее духовности и телесности (тесно переплетенной в ее романах с эротикой слова как средством передачи чувственности через мир музыки), о греховности, одиночестве и мучительных поисках смысла, о разочаровании, разладе с собой, с миром и, как следствие, о ПРОТЕСТЕ – «бегстве» женщины: в страсть, в творчество, к Богу или в смерть.

Н.А.Лунькова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Эволюция повести и рассказа в творчестве молодых болгарских прозаиков 1970-х гг.

Поколение болгарских прозаиков, вошедших в литературу в конце 1960 – начале 1970-х гг., начинало свой творческий путь в рамках «новой психологической волны». Для творчества писателей этого времени характерен отказ от масштабных эпических полотен, сосредоточенность на малой прозе, в центре изображения которой оказывается внутренний мир современного человека. В докладе планируется проследить тенденции в развитии рассказа и повести молодых болгарских авторов указанного периода.

Л.А.Мальцев (*Калининград, Балтийский федеральный университет имени И. Канта*)

Поляки Достоевского в рецепции Е. Стемповского: от стереотипов к метаморфозам

Темой доклада являются стереотипы поляков у Достоевского и весьма нестандартный подход к этой деликатной проблеме Ежи Стемповского. Стемповский, в духе «идеологических романов» Достоевского, предпринимает эксперимент «испытания идеи» – он соотносит польскую тему Достоевского с базовыми положениями его художественной философии, выдвигая тезис о «последнем человеке» (ср. Ницше, «Так говорил Заратустра») и последовательно придерживаясь интерпретации художественной философии Достоевского в духе Шестова. Анализу сильных и слабых сторон такого толкования Достоевского будет посвящен доклад.

С.Ф. Мусиенко (*Гродно, Гродненский государственный университет имени Я.Купалы*)

«Движение» сюжета свадьбы в европейских литературах в свете эволюции традиций (Бомарше → Выспяньский → Маяковский)

1. Сюжет свадьбы использовали деятели культур трех народов: Бомарше «Женитьба Фигаро» (французского), Выспяньский «Свадьба» (польского), Маяковский «Клоп» (советского) – в связи с революциями в собственных странах, но оказавшими влияние на судьбы и своих народов, и всего человечества. Все три драмы стали классикой мировой литературы, и даже в начале XXI века активно ставятся на сценах лучших драматических театров, их традиции широко используются в современной драматургии и главное – эти произведения не утратили своей актуальности.

2. Между написанием «Женитьбы Фигаро» (1784) и «Клопа» (1929) – 135 лет истории Европы и мира. Это была эпоха социальных революций, обретения прав третьим сословием (буржуазией), становлением пролетариата. Все три произведения объединяет герой – «маленький» человек, выражающий социальные, политические и нравственные устои **своего** времени и являющийся одновременно представителем своего класса, своей социальной общности. Итак, Фигаро у Бомарше вступает в борьбу со своим господином графом Альмавивой за собственное достоинство. Если учесть, что «Женитьба Фигаро» была написана в 1784 г., за пять лет до Великой французской революции (1789), то герой Бомарше стал выразителем ее идеалов и благородных лозунгов: Свободы, Равенства, Братства. Это дало основание Наполеону назвать «Женитьбу Фигаро» «революцией в действии», поскольку основной ее движущей силой был народ, третье сословие.

Герой «Свадьбы» С. Выспянского – крестьянство. Такого героя в литературоведении называют героем коллективным. Предваряя революцию 1905 г. (драма завершена в 1901 г.), автор выражает недоверие к крестьянству, упустившему историческую возможность обретения независимости Польшей (от символа свободы **золотого рога** остался только кусок шнура). Более того, социально и политически разобщенный народ сплотить невозможно (*Wyście sobie, a ty sobie / Każden sobie rzepkę skrobie*), поэтому пробуждение народа от «социального сна» Выспянский относит к далекому будущему. Революция же 1905 года не дала Польше желанной независимости, а лишь обеспечила довольно скромные свободы.

В драме В. Маяковского «Клоп», которую автор назвал «феерической комедией», представлен результат революции нового типа – **пролетарской**. Что же произошло с человеком – **пролетарским** выходцем из третьего сословия? Он выродился в обывателя-мещанина, «завоевавшего» себе «красивую» жизнь Присыпкина (Пьера Скрипкина), который пытается создать «красную семью» и «дом-полную чашу» с «зеркальным шкафом».

В драме события представлены в двух временных категориях: 1929 год, когда Маяковский воплощал *реальные* события, свидетелем которых он был, в *реальном* времени, и 1979 год – счастливое послереволюционное будущее, в котором волею случая оказались жители-выходцы из реальности 1929 года – **клоп** (клопус нормалис) и **человек** – бывший пролетарий, обыватель Присыпкин (обывателиус вульгарис). Как выглядит общество будущего? Оно «стерильное», правильное и обезличенное: все решает коллектив голосованием. И когда людей будущего увидел Присыпкин, он воскликнул: «Граждане! Братцы! Свои! Родные! Откуда? Сколько вас?!»

3. Итак, в анализируемых произведениях представлены СВАДЬБЫ в двух проявлениях событийно-реальном и философско-символическом, связанные с тремя революциями (1789, 1905, 1917) в их реальном проявлении. Что касается последней – пролетарской (1917), то Маяковский показал ее результат – общество, в котором уничтожен фактор личности, индивидуальность, неповторимость. Герой исследуемых драм – «маленький человек», выходец из социальных низов, прошедший эволюционный путь от умного, искреннего Фигаро до обывателя Присыпкина, оказавшегося в обществе будущего – в 1979 году (согласно драме «Клоп») и нашего недалекого прошлого с позиции 2015 года. Настоящая жизнь – 2015 года – свидетельствует об актуальности драм Бомарше, Выспяньского, Маяковского и жизненной убедительности их героев.

Н.Н.Пономарева (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Болгарская комедиография XX века в типологических параллелях с русской

Болгарская комедиография XX века в своем развитии пережила значительные изменения. В первой половине столетия, испытав сильное влияние гоголевской сатиры, комедийно-бытовой драматургии А.Н.Островского, она заложила основы этого жанра. В 1960–80-е гг., отталкиваясь в творческой практике от жестких норм социалистического реализма, болгарские драматурги создали целый ряд новых направлений – интеллектуальную, лирическую, фольклорно-сказочную, абсурдистскую и др. комедии. Их типологические параллели с русской комедиографией просматриваются в сопоставлении с драматургией В. Маяковского, Н. Эрдмана, Е. Шварца.

М.Б. Проскурнина (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Мир детства и мир взрослости. Особенности проявления национально-ментального начала в творческом хронотопе Тани Урошевич.

Творчество Тани Урошевич (р.1937), известной в Македонии как блестящий переводчик русской классической литературы, поэзии Серебряного века, современной прозы и поэзии и автор романов «Аквамарин» (2004), «Промах» (2008), сборника рассказов «Красная нить, кольцо с магнитом» (2009) и др., позволяет проследить специфику проявления национально-ментальных миров в организации времени и пространства в художественном мире современного македонского прозаика. В центре исследования – роман «Аквамарин» и сборник рассказов «Красная нить, кольцо с магнитом», которые демонстрируют, как художественное время-пространство становится ключом к пониманию этико-эстетической концепции Урошевич. Через художественное

осмысление различных ментальных миров – прежде всего находящихся в непростых отношениях взаимного притяжения/отталкивания мира детства и мира взрослости – писательница стремится воспроизвести сложную картину национальной жизни в Македонии в XX веке. Специфический национальный мирообраз в творчестве Урошевич складывается в том числе и под серьезным воздействием русской культуры (свою роль здесь играют русские корни самой писательницы, ее многолетняя плодотворная переводческая деятельность), что оказывает существенное влияние на систему художественного хронотопа прозы Урошевич. Творчество Урошевич подтверждает известные идеи М.М. Бахтина о полифонизме и многослойности культуры в целом, когда диалог поколений, стимулирующий «понимание и переживание культурных ситуаций прошлого и проецирование их на будущее», служит «непременному раскрытию культурно-исторических смыслов в отношении к пространству и времени».

М. Рудковская (*Варшава, Институт литературных исследований ПАН*)

Возвращения к XIX веку в современной польской прозе. Бальзакиана Яцека Денеля.

Для современной польской культуры традиция XIX века оказывается наследием все более спорным. Литература последних лет запечатлевает следы этой переоценки, распада больших исторических нарративов, эволюцию ее героев и парадигм, интерес к которым проявляет также история и антропология культуры. В докладе будет проанализирована книга Яцека Денеля «Бальзакиана» (2008) – цикл четырех мини-романов, иронически отсылающих к автору «Человеческой комедии» – интерпретируемая в контексте других игр с миметическими традициями в современной литературе и литературоведческих дискурсах.

Н.Н.Старикова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

«Новые» ориентиры словенской поэзии XXI в.

Словенское национальное самосознание было сформировано в условиях инокультурного влияния, в постоянной борьбе за язык, школу, книгу. Это привело к тому, что поэтическое слово приобрело у словенцев особый статус, на протяжении XIX–XX вв. складывался стереотип восприятия их как «нации поэтов». В XXI в. поэзия продолжает путь культурных достижений, она востребована читателями и интересна исследователям. Трансформации, которые стихосложение переживает сегодня, отражают умонастроения части словенских поэтов, постепенно начинающих тяготиться достигнутым раскрепощением, чувствующих «усталость» от еще недавно актуальной тенденции

превращения литературы в «прикол». Скептическое отношение к «высокому» стилю, внедрение в ткань стиха юмора улиц, их «грязного» языка сменяется обращением к классической поэтической парадигме, о чем свидетельствует уникальный опыт Бориса А. Новака (род.1953), опубликовавшего в 2014 г. первый в истории словенской литературы поэтический эпос – «Атласы ностальгии», в чем-то восходящий к «Божественной комедии» Данте. Это документальный автобиографический рассказ о «времени и о себе», о предках, родных, друзьях, событиях, свидетелем которых поэт становился, и одновременно эпическое многосюжетное плотно, повествующее о мироздании.

М.Трошиньский (*Варшава, Институт литературных исследований ПАН*)

Польская проза после 1989 года и романтическая парадигма (на примере творчества Ю.П.Гозьлинского и других представителей современной литературы)

Тезис о конце романтической парадигмы в новой – после 1989 года – общественно-политической реальности стал своего рода «пророчеством», провозглашенным на пороге перемен в Восточной Европе, которая спустя сорок четыре (!) года после окончания войны смогла наконец начать процесс освобождения от ялтинского раздела сфер влияния. Предполагалось, что романтическая парадигма, являвшаяся для польской культуры структурообразующей (хотя ранее уже и оспаривавшаяся), теперь перестанет служить актуальной моделью, а точнее – подвергнется радикальным изменениям, поскольку современное общество нуждается в иных вехах. Эта эволюция не нашла в современной прозе достойного отражения. Зато польский романтизм неожиданно оказался источником вдохновения, дав литературе произведения, в которых рисуется распад источников польского романтического мифа и их вампирически разрушительная сила.

А.В.Усачева (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Абсурдистские элементы в романах Петру Чимпоешу

Литература абсурда, с ее отрицанием аристотелевской логики и рационалистского подхода, с ее стремлением описать и показать невыразимое – экзистенциальный ужас человека, не могла не оставить следа в постмодернистском искусстве. Это в полной мере касается и румынской литературы. В данном докладе рассматриваются романы «нулевых» годов авторства П. Чимпоешу с точки зрения заимствованных у писателей-абсурдистов приемов и элементов.

Н.М. Филатова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Русский правитель Польши в «эпохе неволи»: эволюция художественного образа

Объектом исследования в докладе служат произведения польской художественной литературы XIX–XX вв., персонажами которых являются ключевые для эпохи конституционного Царства Польского (1815-1830) представители российской власти: российский император и польский король Александр I и главнокомандующий армией Царства Польского великий князь Константин Павлович. Восприятие означенного выше периода истории как части «эпохи неволи», с которой ассоциируется в польском сознании время, когда Польша была разделена, восходит к романтической парадигме исторического сознания, сложившейся после национально-освободительного восстания 1830-1831 гг. К ней же восходят и надолго закрепившиеся как в художественной литературе, так и в историографии типические образы тех, кто воплощал чужую власть в Польше и прочно вошел в национальную историю. Сложение и трансформация романтического канона изображения династии Романовых будут прослежены в докладе на примерах эволюции образа великого князя Константина в произведениях Ю. Словацкого, Я. Чиньского, С. Выспяньского, В. Гонсёровского, а также особенностей интерпретации неоднозначной фигуры Александра I польскими литераторами XX в., в том числе М. Брандысом и В. Терлецким.

О.В.Цыбенко (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Пушкинский образ русской няни в творчестве Ярослава Ивашкевича

Цель сообщения – проследить, как образ няни Татьяны из «Евгения Онегина» Пушкина вошел в сознание Ивашкевича-юноши, что отразилось в его гимназическом сочинении, и получил творческую переработку в зрелом творчестве (рассказ «Voci di Roma», «Путешествия в Италию», «Дневники»).

Сопоставление «смирненного кладбища» в глубине России в пушкинскую эпоху и могилы няни из семьи русских беженцев в Риме приводит писателя к размышлениям сугубо личного характера, вызывает тревожные, противоречивые переживания, связанные с трагическими событиями XX века, с судьбой русско-польских взаимоотношений.

Е.В.Шатько (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

«Следы» национальной традиции в прозе М. Павича (на примере романов «Внутренняя сторона ветра» и «Другое тело»)

Исследования средневековой сербской литературы и литературы барокко, которыми занимался Милорад Павич, нашли свое отражение и в его творчестве. Барочные мотивы, такие как зеркала, путь, сон и др. занимают важное место в мире, созданном сербским постмодернистом. В данном докладе мы уделим внимание чертам литературы барокко в романах «Внутренняя сторона ветра» и «Другое тело», а также рассмотрим «новую» жизнь Захарие Орфелина и Гаврило Стефановича, сербских писателей и просветителей, ставших героями романа «Другое тело». Павич вводит в повествование героев, прототипами которых являются реальные исторические личности, формально он не нарушает хронологии их жизни, однако дополняет их биографии фантастическими элементами, гармонично вписывая деятелей сербской культуры в мистический мир своего произведения.

С.А. Шерлаимова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Проблемы литературной преемственности в трактовке Яна Мукаржовского и теоретических размышлениях Милана Кундера

Основоположник пражского литературного структурализма Ян Мукаржовский, выдвигавший на первый план в своей концепции понятие эстетического, рассматривал преемственность в литературе как один из основных факторов ее развития. Преемственность в понимании ученого – это не просто сохранение традиции, не повторение и не подражание, а процесс обновления, разрушения старой эстетической нормы и создание новой, которая в свою очередь будет разрушена и обновлена. Этот процесс он связывал с развитием социума, обеспечивающим прогресс в литературе, в культуре вообще. Это подробно изложено в его работе «Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факторы» (1936).

Романист Милан Кундера в своих теоретических эссе делает упор на преемственности в контексте мировой литературы. Это в большей степени относится к развитию романа, поддающегося, по его мнению, достаточно адекватному переводу с одного языка практически на все другие, чем к поэзии, неразрывно связанной с особенностями каждого конкретного национального языка и свойственной ему просодии, но и в отношении развития поэзии преемственность между разными национальными литературами играет очень важную роль.

А.Г.Шешкен (*Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, ИСл РАН*)

Проблема преемственности и новаторства в македонской литературе второй половины XX века.

Македонская литература сформировалась как современный художественный феномен во второй половине XX в. Отсутствие развитой собственной литературной традиции в известной степени заменял фольклор. Устное народное творчество стало постоянным источником обогащения литературы, традицией, сохранение которой обусловило появление нового самобытного и оригинального явления. Проблема отношения к национальному художественному опыту решалась по-разному в разные периоды развития литературы. Нередко она вызывала острые споры (например, в середине 1950–1960-х гг.). С 1980-х гг. возросла роль собственной литературной классики (Б. Конеский, Г. Тодоровский, Ж. Чинго). Быстрому обогащению македонской литературы помогло обращение к мировому художественному опыту. Это позволяет рассматривать литературные связи с точки зрения преемственности в развитии конкретной национальной литературы. Соединение фольклорной традиции и опыта мировой литературы обусловило появления ярких самобытных художников слова (Б. Конеский, Г. Тодоровский, Ж. Чинго, В. Урошевич и др.).

Л.Ф. Широкова (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Стереотип или индивидуальность: образ русского в словацкой прозе XXI в.

Русские персонажи встречаются в словацкой литературе на протяжении, по крайней мере, последнего столетия с большей или меньшей регулярностью. Как правило, это эпизодические фигуры, однако на них ложится определенная смысловая и фабульная нагрузка, а, кроме того, они представляют тот или иной тип общего, часто стандартного, представления о русском. Таков, например, тип русского (советского) солдата или партизана, нередко встречающийся в словацкой военной прозе 1950–1960-х гг. В романах последнего времени вновь стали появляться русские герои, однако в их характеристиках индивидуальные черты все чаще преобладают над стереотипами. Таковы, например, иронически описанные персонажи постсоветского времени Валентин Николаевич Собота и Мария Петровна Голочникова в книге С. Ракуса «Ненаписанный роман» (2004). Иной, трагический тип – русский эмигрант, диктующий на магнитофон историю своих злоключений в гражданскую войну в романе П. Виликовского «Первая и последняя

любовь» (2013). Противоречивы при изначально отрицательной оценке и характеры русских офицеров, надсмотрщиков и заключенных в поволжском лагере, где оказалась словачка Зузана, героиня романа П. Ранкова «Матери» (2010). Русские персонажи в современной словацкой прозе, как правило, не шаблонны, они представляют индивидуальные, исторически и психологически обусловленные типы.

Е.А.Яблоков (*Москва, Институт славяноведения РАН*)

Ангел с красной звездой (Рассказ Андрея Платонова «Алтеркэ»).

Рассказ «Алтеркэ», написанный в конце 1939 г., внешне выглядит как конъюнктурная реакция на «освобождение» Западной Украины и Польши. При этом знаки конкретной эпохи в рассказе отсутствуют – не исключено, что в финале подразумевается «польский поход» Красной армии летом 1920 г.

Между тем, с учетом обстоятельств биографии Платонова конца 1930-х гг. (его сын, арестованный в 1938 г. в возрасте 15 лет, в то время находился в лагере) сюжет обретает куда более широкое звучание.

Цель доклада – проанализировать систему исторических и биографических, мифологических и литературных аллюзий в рассказе, представить его в связи с константами платоновского творчества (образ «прочего», тема сиротства, мотив зрения и проч.).